

Глава 1. Начало.

В старомодном особняке Чэнь Шаньвань сидел у окна, облокотившись на подоконник. На нём была накинута ритуальная одежда, испещрённая заклинаниями изгнания, и широкие рукава этого облачения странно диссонировали с белой футболкой и чёрными повседневными брюками, выглядело так, будто время перепуталось.

Его локоть упирался в длинный стол из древесины персикового дерева. Сквозь щели жалюзи он наблюдал за качающимися снаружи тенями деревьев, и прикрыв губы сжатым кулаком, тихо кашлянул.

— Младший дядя*? — осторожно спросил стоявший у окна ученик.

* 小師 (xiǎoshīshīshū) сяо шишу — уважительное обращение в даосских школах к младшему брату-наставнику (по линии учителя).

— ...Ничего. — Чэнь Шаньвань поправил одежду, будто хотел улыбнуться, но улыбка так и не явилась на свет.

Он обладал лицом редкой красоты. Когда-то, ещё до того, как о его силе узнали в других школах, первым делом люди говорили о его внешности.

Глаза у Чэнь Шаньваня были типичные «фениксовы глаза» — утончённые, благородные и вместе с тем отчуждённые.

Его телосложение с детства было хрупким из-за слабого здоровья. Рядом с крепкими старшими братьями по школе он выглядел словно гибкая ветка ивы на ветру.

Но он был слишком красив.

Многие поднимались в горы лишь ради того, чтобы взглянуть на него, или хотя бы дожидаться одного его взгляда.

И это не была яркая и броская красота, но она всегда поражала с первого взгляда — дыхание сбивалось, а разум словно ускользал.

Особенно его глаза. В них было бездонное тепло и мягкость, но, если взглядеться глубже,

сквозь их хрустальную холодность проступало странное, почти божественное отчуждение.

Такое лицо притягивало, но держало на расстоянии.

Чэнь Шаньвань прекрасно знал, что слишком яркое сияние жемчужины, всегда будет привлекать завистников. Но он никогда и представить не мог, что привлечёт внимание подобной сущности.

Он опустил взгляд.

Ученик, стоявший у окна, был выбран с особой тщательностью, никогда не сходил с гор, не соприкасался с нечистью, его дух и чувства были чисты. Теоретически, он не должен был поддаться вмешательству.

Но всё это было лишь самообманом.

Как только Чэнь Шаньвань произнёс «ничего», лицо ученика застыло.

Глаза его вытаращились, заливаясь кровавыми прожилками, пока белки не окрасились чёрным.

И в одно мгновение, зрачки вернулись к обычному виду. Вены на шее пришли в норму, дыхание выровнялось.

Но выражение лица стало пугающе чужим.

«Он» посмотрел на собственные руки, и наклонил голову к окну. Обыкновенные черты лица исказила страшная одержимость.

«Он» медленно изогнул губы в улыбке, растянув слова в мучительно искусственном темпе:

— Млад-ший дя-дя...

Словно забавляясь этим обращением, «он» издал странный смешок, в котором слышались и насмешка, и злоба.

Пальцы его легли на собственное горло, сжимаясь, будто собираясь задушить самого себя.

Но прежде чем хватка сжалась, из окна вылетела изящная кисть и ударила «его» по руке.

Одновременно с резким звуком распахнулись окно и жалюзи. В воздухе вспыхнула жёлтая бумажная печать.

«Он» лишь шире улыбнулся.

Он поймал талисман ладонью, печать вспыхнула белым светом, и тут же осыпалась пеплом.

Чэнь Шаньвань, придерживая ритуальную одежду на плече, полусогнулся, высунувшись из окна.

В его взгляде не осталось мягкости, лишь холод и острота, подобная клинку. Это возбуждало «его» ещё больше.

— Давненько не виделись. — сказал «он» уже нормальным голосом, полным радости. — Ты всегда узнаёшь меня с первой же секунды. Это радует.

Тонкие губы Чэнь Шаньваня плотно сомкнулись, словно нож. Его взгляд пронизывал насквозь.

Для него этот «ученик» давно перестал быть самим собой, в его тело вторглась чужая сущность, и его душа корчилась в муках.

И всё же Чэнь Шаньвань знал, что у «него» не было злого умысла. Просто прикосновение этой сущности было для любого невыносимо.

Никто не способен выдержать «его».

— ...Юй Суй.

Он понимал, чего тот добивается:

— Выйди.

Голос его был холоден, но звучал всё так же чисто и прозрачно, как горный ручей.

Юй Суй ненавидел именно это, что Чэнь Шаньвань противился ему из-за того, что страдают другие.

Ревность мгновенно исказила «его» сущность.

— Юй Суй!

Чэнь Шаньвань вскрикнул и, не касаясь земли, вылетел из окна, зажав между пальцами пылающий белым огнём талисман. Тот обернулся в духовный меч.

Клинок пронёсся к Юй Сую, а его ритуальную одежду сорвало ветром.

Юй Суй покинул тело ученика и перехватил меч рукой. Другой рукой он поймал спадающую одежду и вновь накинул её на Чэнь Шаньваня.

Духовный меч исчез при его прикосновении. Чэнь Шаньвань и не рассчитывал им его поразить, лишь заставить явить себя.

Улыбаясь, Юй Суй заботливо поправил на нём одеяние, даже дотронулся до пустого рукава, привычно читая заклинание.

Чэнь Шаньвань не отступил. Лишь бросил взгляд на лежащего без сознания ученика.

Но помощь не приходила. Значит, Юй Суй снова вмешался.

Теперь они были слишком близко. Лицо Юй Суя — белое, изысканное, слишком нереальное, чтобы принадлежать человеку.

Его глаза были опасно прекрасны, а губы — кроваво-красные, манящие и страшные.

Но кожа — гладкая, без единой поры, как фарфор. Фарфор, которому место лишь на пьедестале.

Чэнь Шаньвань отвернулся, не позволив приблизить лица.

— Это вызов? — холодно спросил он.

Одежда на нём предназначалась, чтобы защищать от Юй Суя. Но тот сам поправил её и даже прочитал заклинание.

Голова Чэнь Шаньваня повернулась в сторону, и обнажённая шея натянула тонкие жилы — слишком уязвимая, слишком манящая.

Юй Суй едва сдерживался, желая оставить на ней свой след.

Чёрный туман уже тянулся к его ногам, но Чэнь Шаньвань вонзил духовный меч в землю и вместе с ним развеял тьму.

Юй Суй шагнул ближе, восполняя его отступление.

— А-Вань, почему ты всегда так жесток со мной? — его голос звучал почти весело.

И только с ним Чэнь Шаньвань позволял себе подобные вспышки.

Это лишь ещё больше радовало Юй Суя.

Ветер разметал волосы Чэнь Шаньваня. Он удержал рукой одежду, но не ради защиты, а словно прикрываясь жестом.

Юй Суй остановил ветер взмахом руки.

Но Чэнь Шаньвань не опустил руки и не ответил.

— А-Вань, — тихо позвал Юй Суй, в его глазах закипала мрачная тень, — ты всегда понимаешь меня лучше всех.

— ...Что ты сделал? — холодно спросил Чэнь Шаньвань.

— Ваша школа охраняет не только мою печать, но и заточённых демонов. Стоит ослабнуть одной — и мир погрузится в хаос, — Юй Суй склонился ближе. Его голос звучал как любовный шёпот, но в каждом слове сквозило зло, — И вот самый талантливый, единственный, кто может остановить это, оказывается связан со мной, прикован к этой горе.

Рука Чэнь Шаньваня напряглась, пальцы побелели.

— Юй Суй. — Его голос был холоден, как сталь. — Прекрати.

Именно это безжалостное равнодушие сводило Юй Суя с ума.

Он ненавидел этот взгляд, но и жаждал его.

Кроваво-красные губы Юй Суя изогнулись в ухмылке:

— А-Вань, ты же знаешь, когда люди обращаются к тёмным богам, всегда приходится платить.

Он наклонился к его уху, шепча, словно змей, играя языком:

— Что ты готов отдать?

— Чего ты хочешь? — спокойно спросил Чэнь Шаньвань.

Юй Суй замер. Их лица были слишком близко. Он мог рассмотреть тонкий узор в зрачках Чэнь Шаньваня — древний знак его врождённого духовного зрения.

— ...Я хочу слишком многого. — прошептал он. — Всего, что связано с тобой.

— Хочу, чтобы ты говорил со мной мягче.

— Хочу, чтобы ты хоть раз улыбнулся мне.

— Хочу, чтобы ты перестал так обороняться.

.....

Юй Суй неподвижно смотрел на Чэнь Шаньваня, словно пытаясь растопить ледяную глыбу в его глазах:

— Хочу заключить с тобой сделку.

Но в итоге — тщетно.

Чэнь Шаньвань даже не удостоил его насмешливым «пустые грёзы», он вообще никогда не был язвительным. Именно поэтому Юй Суй всегда ощущал, что как бы ни была прекрасна его оболочка, под взглядом Чэнь Шаньваня она становится безобразной и жалкой.

Настоящее божество — это именно Чэнь Шаньвань.

Недосягаемый, стоящий на облаках.

Все низкие мирские желания, коснувшись его, лишь оскверняли его.

Бред сумасшедшего*.

* 痴人说梦 (chīrén shuō mèng) - идиома, обр.- Принимать мечты за действительность.

— Чего же ты добиваешься? — спросил Чэнь Шаньвань.

Юй Суй беззвучно дёрнул уголком губ.

Он поднял руку, холодные кончики пальцев коснулись лица Чэнь Шаньваня, будто удерживая его лик в своей ладони.

Осторожно, почти трепетно, он прижал подушечку большого пальца к его скуле и слегка провёл по ней.

Рука Чэнь Шаньваня, сжимающая рукав ритуальной одежды, напряглась ещё сильнее, но сдержал себя, чтобы не сорваться.

Он всё равно не мог победить Юй Суй, а это была цена за то, чтобы тот отнял руку.

Двумя пальцами Юй Суй выдернул несколько волос с его виска. Чэнь Шаньвань даже боли не почувствовал, а прядь уже оказалась в чужой ладони.

И только тогда тот нехотя отступил.

— Вот это.

Юй Суй поднял руку, показывая несколько волосков, и, улыбнувшись, на глазах у Чэнь Шаньваня вложил их себе в рот. Язык обвил прядь, кадык дрогнул, и волосы исчезли в его глотке. От увиденного зрачки Чэнь Шаньваня слегка расширились.

Настроение у Юй Суй было далеко не радужным, но в то же время он мог признать, что в этом было что-то приятное.

Он ощутил, как печать, связывающая его, вновь затянулась, и откуда-то достал цветок, сияющий семью оттенками, вложив его в ладонь Чэнь Шаньваня:

— А-Вань, до встречи.

С этими словами он исчез.

Чэнь Шаньвань остался один посреди двора. Горный ветер снова зашумел. Он опустил взгляд на стеклянный цветок в своей руке и долго не двигался.

Его тело с рождения было слабым. Даже овладев искусством, он не стал здоровее, напротив, постоянный контакт с духовными силами лишь разрушал его плоть.

Но это не влияло на срок жизни, лишь приносило мучения.

Чтобы облегчить страдания, приходилось поддерживать себя редкими духовными травами.

Но теперь не то время, что в золотую эпоху духовных сил, лекарственные травы почти исчезли. Всё, чего достиг Чэнь Шаньвань, было его собственным терпением.

Он знал, где растёт стеклянный цветок. Но печально известная Долина Злых Духов была слишком опасным местом.

Далеко отсюда. Далеко от печати Юй Суя.

Неужели он сам отправился туда?

Этот цветок не мог принести Юй Сую никакой выгоды.

Чем меньше страдает Чэнь Шаньвань, тем яснее его дух, тем крепче его сила. А значит, тем труднее соблазнить его.

Повернув ладонь, Чэнь Шаньвань убрал стеклянный цветок и направился к лежащему на земле ученику. Взмахом руки он вызвал жёлтый талисман, и тот, сгорев на его пальцах, обратился в духовную птицу для передачи сообщения.

Он присел, надавил ученику на несколько точек, а затем вывел заклинание на его лбу, закрепляя рассеянную душу.

...

— Мы сделали всё возможное, но остановить это невозможно!

— Да! В этот раз он пробыл снаружи куда дольше, а теперь ещё и захватил тело ученика, который никогда не имел к этому никакого отношения! Это значит, что печать вот-вот спадёт!

— Даже находясь в своей печати, он влияет на другие... Если он не выйдет сам, а просто развалит остальные — мир рухнет!

— Чэнь Шаньвань, ты совершил непростительный грех!

Чэнь Шаньвань опустил глаза, не встречаясь с острыми, как лезвия взглядами старейшин. Но рядом сидел его старший брат по учению. Тот с грохотом ударил ладонью по столу:

— При чём тут младший брат?! Я сто раз говорил — он ничего не сделал! Если жемчужина сверкает и вора тянет к ней, виноват вор с грязным сердцем, а не сама жемчужина, потому что

слишком ярко сияет!

Когда спор грозил перерасти в ссору, Чэнь Шаньвань приподнял руку, словно хотел ухватить брата за рукав, но вспомнил злобные угрозы Юй Суй и всё же опустил ладонь:

— Старший брат.

Голос его прозвучал тихо, но тот всё понял.

Он хотел было возразить, но, встретив взгляд младшего, замолчал.

Эти слова он слышал уже не впервые.

С тех пор, как Юй Суй прорвался сквозь печать, вывел в его ладони своё имя «Юй Суй» и отдал его ему, Чэнь Шаньвань живёт под этими обвинениями.

Он их не винил.

Люди всегда хотят жить. А смятение, которое поднимал Юй Суй, было словно меч, висящий над их головами, да и над всем миром.

В ритуальной одежде, скрывающей пустоту, Чэнь Шаньвань тайным знаком снял печать с Запретной библиотеки и вошёл в её тление.

Ему нужно найти хоть какой-то способ разрешить нынешнюю беду.

Он не считал себя виновным. Но всё началось с него.

Когда старший брат вошёл, он увидел Чэнь Шаньваня, прислонившегося к шаткому книжному шкафу, с древним фолиантом в руках:

— Младший брат.

Он подошёл, тяжело вздохнув, но Чэнь Шаньвань уже протянул ему книгу.

Его взгляд оставался холодным и отрешённым:

— Возможно, стоит попробовать этот способ.

Тот на миг остолбенел, пролистал страницы и резко распахнул глаза:

— Нет! Это слишком опасно!

Он сжал книгу в руках:

— Он достаточно силён, но ты — нет! Младший брат, ты всего лишь человек! Ты можешь сразу же погибнуть!

Чэнь Шаньвань нежно улыбнулся и посмотрел на бледный серп луны за окном:

— Учитель говорил, что у меня душа бессмертного и сердце божества... Может, он и не шутил.

— Нельзя! — жёстко отрезал старший брат. — Если он не согласится уйти с тобой, всё пропало! Ты никогда не вернёшься! Для него это лишь вред, без всякой выгоды. Почему он должен согласиться?

— Разве он не говорил, что любит меня? — с легкой насмешкой отозвался Чэнь Шаньвань.

— ...Все чувства в мире рождаются из одного желания. Любовь — есть разновидность вожделения. Если он выйдет за пределы своего «я», если правда так любит тебя, он не станет делать всё это! — сурово сказал брат.

Чэнь Шаньвань не стал спорить.

— У тебя есть другой способ? — спросил он.

Брат не нашёлся с ответом.

— Тогда готовься. Даже если ставка не выгорит, это не так уж плохо.

— Но...

— Старший брат, — голос Чэнь Шаньваня стал строже, — ты нынешний глава клана Чэнь, хранитель десятков тысяч злых духов. Ты ведь знаешь, в чём заключается обязанность главы, или мне напомнить?

Старший брат сжал кулаки:

— ...Хорошо.

Но, уже уходя, он остановился и всё же спросил о том, что давно мучило его:

— Младший брат... Учитель всегда говорил, что твой талант выше всяких похвал. Даже предки клана Чэнь не сравнятся с тобой. Ты... правда не можешь убить его?

Чэнь Шаньвань ответил без колебаний:

— Старший брат, он — божество, созданное из всех пороков и злых мыслей этого мира.

После его ухода Чэнь Шаньвань долго не двигался.

Взмахом руки он вновь достал семицветный стеклянный цветок. В его сиянии бледнела даже луна.

Юй Суй не убил старейшин.

Потому что он не позволил.

Он — хранитель печати. И он лучше всех знал, что стоит Юй Сую захотеть, и в одно мгновение мир рухнет. Он мог бы использовать его как заложника.

Но он не сделал этого.

Чэнь Шаньвань кашлянул, убрал цветок и медленно вышел наружу. С каждым шагом его кашель становился тяжелее.

.....

Три дня спустя.

Чэнь Шаньвань был облачён в ритуальное облачение, его тело покрывали витиеватые, трудно постижимые заклинания. Он стоял на коленях в центре собственноручно начертанного магического круга.

Он медленно выдохнул и начал читать заклинание.

Едва он произнёс первые слова, горный ветер взвился с неистовой силой. Но когда Чэнь Шаньвань закончил не слишком длинное заклинание, всё вокруг будто остановилось — и ветер, и сама реальность замерли, словно кто-то нажал кнопку паузы.

Наблюдавшие издали люди невольно затаили дыхание, и в тот же миг злой бог явился, рывком схватив Чэнь Шаньваня.

Все в ужасе: «!»

Чэнь Шаньвань был прижат к земле, Юй Суй сжал его горло. Его лицо, изначально ослепительно красивое до пугающей агрессивности, теперь было искажено яростью и мрачной злобой. Но магический круг под Чэнь Шаньванем не остановился, напротив, бело-золотое сияние вспыхнуло с новой силой.

Юй Суй процедил сквозь зубы:

— Чэнь Шаньвань!

Тот лишь чуть заметно улыбнулся. Одной этой улыбкой хватило, чтобы у Юй Суя в голове прогремел звон, а вся его мрачная аура мгновенно развеялась бесследно.

Но он прекрасно понимал, что именно тот сделал. Поэтому сдержанно, глухо прошипел:

— Мне следовало сначала разорвать тебя на куски и сожрать...

Из магического круга под Чэнь Шаньванем вырвались бело-золотые цепи, обвивая и приковывая божество.

В тот миг, когда свет стал настолько ярким, что никто ничего не мог различить, Чэнь Шаньвань слегка вскинул подбородок.

Он словно хотел что-то сказать, но слова не успели сорваться с губ, Юй Суй резко наклонился и жестоко впился в его губы.

Кровь мгновенно выступила, но тут же была жадно втянута им, растворяясь между его зубами и губами.

Юй Суй смотрел на него хищным, холодным взглядом, как зверь смотрит на добычу, как мститель смотрит на ненавистного врага.

С губ Чэнь Шаньваня всё ещё сочилась тонкая струйка крови, окрашивая его светлые губы в алый, словно в снег упал лепесток красной сливы.

Эта картина всё же на миг поколебала Юй Суя, и его попытка вырваться из магического круга ослабла.

Он склонил голову, коснувшись губами его снова. Хриплый голос прозвучал почти как плач:

— А-Вань, неужели ты так сильно их любишь?

Чэнь Шаньвань, прижатый и вынужденный терпеть этот поверхностный поцелуй, оставался безмолвен.

Но своим поступком он уже дал Юй Сую ответ.

Магический круг активировался.

И он, и Юй Суй исчезли из этого мира.

<http://bllate.org/book/12897/1133573>